

НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ
ПО ИСТОРИИ РОССИИ

ROSSICA INEDITA

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

ЦЕНТР ИСТОРИИ РОССИИ НОВОГО ВРЕМЕНИ ШКОЛЫ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

ЗАБОТЫ И ДНИ
СЕКУНД-МАЙОРА
АЛЕКСЕЯ
РЖЕВСКОГО

Записная книжка
(1755–1759)

Составитель
и научный редактор
Игорь Федюкин

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ЭКОНОМИКИ
МОСКВА, 2019

УДК 929
ББК 63.2
З-12

Издание подготовлено при поддержке
Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ

Серия основана в 2018 г.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ СЕРИИ:

доктор исторических наук, профессор, научный руководитель Департамента истории НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге *Евгений Анисимов*; доктор исторических наук, профессор, руководитель Школы исторических наук факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ *Александр Каменский*; PhD, директор Центра истории России Нового времени Школы исторических наук факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ *Игорь Федюкин*

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

доктор исторических наук *Ольга Кошелева*;
доктор исторических наук *Елена Смилянская*

ПОДГОТОВКА ТЕКСТОВ К ПУБЛИКАЦИИ:

Игорь Федюкин, Анастасия Видничук, Мария Пироговская,
Александр Феофанов

СОСТАВИТЕЛЬ И НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР

Игорь Федюкин

ДИЗАЙН СЕРИИ: ABCdesign

В оформлении обложки использован фрагмент русской лубочной картины «Пан Трык и Херсоня», XIX в.
<<https://yandex.ru/collections/card/5afad3e255854df5857ffd19/>>

Опубликовано Издательским домом Высшей школы экономики <id.hse.ru>

doi:10.17323/978-5-7598-1988-2

ISBN 978-5-7598-1988-2 (в обл.)

ISBN 978-5-7598-2021-5 (e-book)

© Научные статьи. Федюкин И.И.,
Пироговская М.М., Феофанов А.М, 2019

© Составление. Федюкин И.И., 2019

© Составление указателя. Видничук А.О., 2019

Содержание

6	О книге
9	Список сокращений
11	I. <i>Игорь Федюкин</i> . «...В сей час начинаю писать историю моей жизни»: Записная книжка А.И. Ржевского на стыке жанров и эпох
33	II. <i>Александр Феофанов, Игорь Федюкин</i> . Род и служба А.И. Ржевского
51	III. <i>Мария Пироговская</i> . Дневник больного середины XVIII в.: Взгляд из России
87	IV. Записная книжка секунд-майора А.И. Ржевского
88	Письма 1755–1756 гг.
94	Дневник. 1757 г.
116	Дневник. 1758 г.
144	Недатированные записи
150	Аннотированный именной указатель

О книге

Публикуемые в данной книге документы представляют собой содержание записной книжки секунд-майора Ширванского пехотного полка Алексея Ивановича Ржевского, хранящейся в Российском государственном архиве древних актов (далее РГАДА), в фонде 188 (Рукописное собрание), дело 418. Основное содержание записной книжки — дневник автора за 1757–1758 гг., однако А.И. Ржевский использовал ее для ведения также и хозяйственных, и служебных заметок. Именно такими разрозненными записями заняты первые несколько страниц книжки — это выписки из строевого устава; упоминания (зачастую непонятные нам сегодня) отдельных лиц, например, перечень служащих в канцелярии генерала князя Прозоровского, с которыми автору предстояло взаимодействовать; тех или иных бытовых происшествий; поручений разного рода, полученных им от родственников и патронов. Аналогичные записи встречаются и ближе к концу записной книжки; тут же находятся и выполненные иным, весьма профессиональным почерком реестры личного имущества, которое Ржевский берет с собой в поход. Очевидно, эти реестры составлены грамотным денщиком или писарем; позднее уже сам Ржевский делает рядом пометы об использовании или продаже этих предметов.

В данную публикацию мы сочли целесообразным включить абсолютно все записи, которые удалось расшифровать; нам пришлось опустить лишь несколько совершенно нечитаемых заметок (как кажется, хозяйственных), сделанных карандашом. Датировать разрозненные записи чаще всего невозможно, поэтому за исключением случаев, когда они кажутся прямо связанными с текстом дневника, мы поместили их в особом разделе в конце публикации. Мы также видим, что дневниковые записи Ржевского иногда вынуждены «перескакивать» через сделанные им ранее хозяйственные заметки. В одном из случаев он делает даже помету, обращенную к себе самому или к своему будущему читателю:

«Теперь я перейду чрез этот реестр (пазادي котораго пишу мой журнал) на белаю бумагу». В других случаях Ржевский как бы возвращается назад и помещает дневниковые записи на оставшихся свободными страницах или частях страниц в начале записной книжки. При подготовке теста к публикации мы разместили такие записи в хронологическом порядке (хотя датировка их иногда является условной, что указано нами в примечаниях).

Текст документов передается с точным сохранением стилистических и фонетических особенностей документа (т.е. с заменой вышедших из употребления букв современными, обозначающими тот же звук). Мягкий и твердый знаки употребляются согласно современному правописанию. Деление текста на слова и предложения проводится в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации, проставляются необходимые по смыслу знаки препинания. Приписки, сделанные в документе его автором, вносятся в строку и оговариваются в примечаниях, причем авторские знаки сноски снимаются. Авторские скобки передаются круглыми скобками (). Квадратными скобками [] обозначается текст, вносимый публикатором.

Сокращенно написанные слова («под титлом») раскрываются, восстановленные слова не выделяются. Выносные буквы вносятся в строку без выделения. Пропущенные в документе и восстановленные по смыслу слова воспроизводятся в квадратных скобках. Непрочтенный из-за повреждения документа (обрыв, стертость от ветхости, разрыв, пятна, выцветание), а также неразобранный текст отмечается отточием в квадратных скобках [...]. Сокращения в общепринятых формулах вежливости и титулатуре не используются.

Прописные и строчные буквы при публикации текста документов употребляются в основном в соответствии с современными правилами орфографии. Явные описки (двукратное написание отдельных букв, слов, слов, перестановка букв, пропуск букв) устраняются в тексте.

Ряд записей несут следы авторской редактуры — отдельные слова зачеркнуты или затушеваны чернилами. Там, где такие фрагменты удалось прочитать, мы публикуем их в тексте и обозначаем зачеркиванием. Зачеркнутые фрагменты, которые не удалось прочесть, обозначаются в квадратных скобках. Авторские подчеркивания обозначаются в тексте соответствующим образом.

* * *

Неоценимую помощь в работе над этим изданием оказали Д. Сдвижков, Т. Костина, И. Виноцкий, М. Лавринович, Н. Немцева и Т. Ярцева. Вся ответственность за остающиеся в тексте ошибки и неточности, разумеется, лежит на научном редакторе.

И. Федюкин, А. Видничук

Список сокращений

- БАН — Библиотека Российской академии наук (Санкт-Петербург)
- ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. 1649–1825 гг. Т. 1–45. СПб.: Типография II Отделения С. Е. И. В. Канцелярии, 1830.
- РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва)
- РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив (Москва)
- РГИА — Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург)
- РО ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской академии наук (Санкт-Петербург)
- СПИИ РАН — Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук (Санкт-Петербург).

«...В сей час начинаю
писать историю
моей жизни»:
Записная книжка
А.И. Ржевского
на стыке жанров и эпох

Игорь Федюкин

«Благодарю бога, что я, хотя много болен, а до 1759 года генваря до 1 числа дожил и в сей час начинаю писать историю моей жизни»¹: так завершает Алексей Иванович Ржевский, секунд-майор Ширванского пехотного полка, свой дневник за 1757–1758 гг., публикуемый нами в данном издании. Надо сказать, что и время его создания, и его жанр делают этот документ достаточно уникальным. А.Г. Тартаковский в своей классической работе отнес качественный перелом в русской мемуарной литературе — «переход от летописно-аналитического способа изображения действительности к связно-целостному мемуарному рассказу и выдвигание на передний план личности автора с его индивидуальной биографией и духовно-нравственным миром» — к 1760-м — 1770-м годам². Действительно, именно в последней трети столетия или даже позднее рождаются такие яркие мемуарные произведения, охватывающие в том числе и середину века, как записки А.Т. Болотова, М.В. Данилова и ряд других.

Но если говорить не о ретроспективных описаниях, создававшихся много позднее как прямо литературные тексты, а именно о поденных записках, написанных русскими авторами непосредственно в елизаветинские годы, то окажется, что таких в нашем распоряжении совсем немного. Тартаковский насчитал всего пять подобных источников — «четыре жизнеописания, строго следовавшие летописному канону» (И.М. Грязново, Г.П. Чернышева, В.В. Головина и В.А. Нащокина), «и только один дневник автобиографического характера», а именно «Журнал» И.П. Анненкова³. В действительности, конечно, таких источников больше: так, Тартаковский не упомянул «Выдержки из дневника, полученного из усадьбы Ермоловых», атрибутированные недавно пажу Алексею Будакову⁴, и дневник кн. П.Н. Трубецкого⁵; недавно была опубликована охватывающая в том числе и этот период хроника жизни кн. М.А. Белосельского⁶, и т.д. Но, так или иначе, тексты эти можно пересчитать по пальцам.

¹ Недатированная дневниковая запись. РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. Д. 418. Л. 98.

² Тартаковский А.Г. Русская мемуаристика XVIII — первой половины XIX в.: от рукописи к книге. М.: Наука, 1991. С. 58.

³ Там же. С. 49.

⁴ Выдержки из дневника, полученного из усадьбы Ермоловых // Костромская старина. 1892. Вып. 2. С. 1–12 (Янв. 1755–окт. 1756 гг.); его атрибуцию см.: Лисаренко К.А. Повседневная жизнь русского двора в царствование Елизаветы Петровны. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 12–13.

⁵ Юзефович В.М. Князь Трубецкой, заметки его в календаре в 1762 году // Русская старина. 1892. № 2. С. 443–448.

⁶ Белосельский М.А., Белосельская Н.Г., Белосельская Н.М. Дневник Белосельских-Строгановых // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах

На этом фоне дневник А.И. Ржевского, дворянина ничем не примечательного и не имевшего, как кажется, ни выдающихся интеллектуальных амбиций, ни особенно блестящего образования, оказывается для нас настоящей находкой. Дело не только в том, что он расширяет ряд имеющихся в нашем распоряжении немногочисленных источников елизаветинской поры. И даже не в том, что он довольно подробно освещает те стороны офицерской и дворянской жизни, которые мало затронуты, а то и не затронуты вовсе в уже известных нам дневниках середины столетия, — прежде всего, это недуги Ржевского, его связанные с этими недугами переживания (значению дневника как источника по истории медицинских и физиологических представлений и практик в России в XVIII в. посвящена публикуемая в этой книге специальная статья М. Пироговской), а также его любовная жизнь. Существенно, что дневник Ржевского представляет собой переходный, промежуточный этап между двумя выделявшимися Тартаковским типами текстов, «летописным» и «мемуарным». Мы видим, что Ржевский не просто ведет регулярные записи, но и здесь же, в дневнике, начинает их литературную обработку; он прямо рефлексировал по поводу происходящего вокруг него и с ним самим и даже вступает в диалог со своим потенциальным читателем. Здесь же мы находим и ранние примеры описания и анализа собственных переживаний, откуда уже рукой подать и до «сентименталистских влияний», проявление которых в русской мемуаристике Тартаковский также относил к 1760-м — 1770-м годам. В известном смысле, в дневнике обнажаются механизмы перехода от «летописности» к «мемуарности», что видно уже в процитированной нами выше фразе о намерении автора «писать историю моей жизни».

* * *

В основе записной книжки Ржевского лежит печатный «Санкт-Петербургский календарь на лето от Рождества Христова 1757, которое есть простое, содержащее в себе 365 дней, сочиненный на знатнейшие места Российской империи» (СПб.: При Императорской Академии наук, 1756)⁷. Это сближает дневник Ржевского с некоторыми другими известными нам поденными записками той поры, которые также велись на страницах календарей⁸; собственно, на страницах печатных календарей велись и некоторые

и документах XVIII—XX вв.: Альманах. Т. 14. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2005.

⁷ См.: Сводный каталог книг гражданской печати XVIII века. 1725–1800. Т. 4. Периодика / под ред. И.П. Кондакова. М.: Книга, 1966. С. 235.

⁸ Юзефович В.М. Указ. соч.; Выдержки из дневника, полученного из усадьбы Ермоловых.

из петровских «походных журналов». В этом смысле, мы видим, как появление таких календарей в повседневном обиходе как бы подталкивает людей XVIII в. к фиксации событий собственной жизни: внесение в календарь мелких помет под тем или иным числом оказывается делом довольно естественным. Например, в одном из экземпляров «Санкт-Петербургского календаря» за тот же самый 1757 г., хранящемся в Российской государственной библиотеке, его неизвестный владелец сделал несколько пометок, которые вполне могли бы встретиться в записной книжке Ржевского: «Апреля 8 дня зачал учиться Хрисанф Макаров», «Срок [нрзб] мая 4 дня 1758 году».

В случае Ржевского, однако, календарь целенаправленно превращен в нечто вроде ежедневника в кожаном переплете. Владельцем опущены входившие в состав издания довольно пространные приложения, вроде «Изъяснения поставляемого в календаре церковного счисления» профессора Никиты Попова или краткого родословия «владельцев в Европе фамилий», а между страницами собственно календаря специально вплетены листы чистой бумаги, на которых автор и ведет свои записи, как дневниковые, так и хозяйственные; на обоих форзацах сделаны бумажные карманы, куда, вероятно, можно было вкладывать какие-то отдельные записки или документы. В некоторых случаях Ржевский разлиновывает страницы для ведения дневниковых записей: сверху страницы указывается месяц, а слева, на отчеркнутых полях, — число. В других случаях, однако, такой разлиновки нет, не всегда указан и месяц (см. первую вклейку); в таком случае о датировке записи приходится догадываться по ее расположению. Историю этой записной книжки установить, к сожалению, не удалось: мы не знаем, как и откуда она попала в РГАДА (об атрибуции дневника см. статью А. Феофанова и И. Федюкина в этой книге).

В первую очередь дневник Алексея Ржевского отражает реалии полковой жизни и служебных отношений офицера средней руки в середине XVIII в. Одна из ключевых таких реалий — это, конечно, дорога. Ржевский постоянно в пути — он то едет к месту службы или в отпуск, то следует куда-то с командой инвалидов, то марширует со своим батальоном, то нагоняет полк на стоянках; он ночует в лесу, где его застигает гроза; переправляется через реки; обедает у местных помещиков и чиновников; если не едет, то стоит со своим батальоном лагерем в чистом поле, и т.д. В общей сложности, за те два года, которые охватывает этот дневник, автор проводит в пути или на временных стоянках, на постоянных дворах и в придорожных деревеньках не менее 164 суток, т.е. почти каждый четвертый день — и это при том, что полк не находится в действующей армии. Значительная часть

записей — это просто перечисление почтовых станций или населенных пунктов и расстояний между ними. Но из записей секунд-майора мы узнаем и о его общении и расчетах с ямщиками; о том, что делать, если в дороге сломалось колесо; о том, что в Твери в июле 1757 г. его «циганка обманула»⁹. Правда, описания впечатлений от увиденного по дороге мы почти не находим. Едва ли не единственный случай, когда автор как-то отзывается о посещаемом им городе, это комментарий по поводу Изборска, через который он проезжает осенью 1758 г.: «Маленькой городок каменной и весь обвалился, каменная стена, посадку нет, а жи[ву]т монастырския мужики»¹⁰. Можно только гадать, говорит ли его повышенное внимание к такому незначительному населенному пункту о знакомстве Ржевского с летописным рассказом о происхождении русского государства.

Еще одна важная реалия служебной жизни автора, бросающаяся в глаза при прочтении дневника, — ключевое место, которое в ней занимают родственные связи. Ржевский постоянно обращается к всевозможным милостивцам и патронам по самым разным вопросам — повышение и назначение, получение и продление отпуска, попытка отвести от себя беду в лице Тайной канцелярии, и т.д. Обращения могут и не иметь какого-то конкретного повода, речь может идти просто о «добром расположении» вообще: «Писал к брату князю Василью Барисовичу Голицыну в Харьков письмо, которым просил ево, чтоб меня в милость ево тестю графу Петру Семеновичу Салтыкову рекомендовал, что полк наш Ширванской из Москвы следует в ево команду в Малороссию», — сообщает автор в 1757 г.¹¹

Конечно, мы понимаем, что к помощи покровителей должны были обращаться в ту эпоху абсолютно все офицеры: без этого карьера просто не могла состояться. В данном случае, однако, бросается в глаза разветвленность этой сети патронов. Обычный офицер мог надеяться, если повезет, на помощь какого-то одного вельможи: в мемуарах того времени мы находим описания усилий, предпринимаемых авторами для того, чтобы «выйти» на потенциального патрона, зачастую через третьи или четвертые руки; подчеркивается случайный (и ненадежный) характер таких контактов. Ржевский же в силу своих обширных фамильных связей и принадлежности к столбовому дворянству может по-родственному

⁹ Дневниковая запись от 14 июля 1757 г. РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. Д. 418. Л. 34 об.; с. 102 наст. изд.

¹⁰ Дневниковая запись от 6 ноября 1758 г. РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. Д. 418. Л. 75 об.; с. 133 наст. изд.

¹¹ Дневниковая запись от 26 июля 1757 г. РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. Д. 418. Л. 23 об.; с. 104 наст. изд.

обращаться к очень широкому кругу генералов и сановников. Ведущую роль здесь играют, конечно, «тетушка» кн. Н.Г. Белосельская и ее братья графы Чернышевы, но одновременно Ржевский легко адресуетя и к фельдмаршалу А.Б. Бутурлину; и едва ли не к каждому губернатору, через чью провинцию он проезжает, как, например, к кн. И.А. Прозоровскому в Украине; и даже к «Ивану Ивановичу» — употребление этого имени-отчества без уточнения фамилии и должности заставляет полагать, что речь идет о находящемся на пике своего влияния И.И. Шувалове. Более того, хотя автор и придерживается в письмах к покровителям приличествующего случаю тона, рассыпается в заверениях в вечной преданности и безграничной благодарности, это все же не униженные просьбы клиента, мечтающего, что вельможа, быть может, снизойдет до того, чтобы уделить ему внимание. Скорее, это письма человека, уверенного в своем праве обращаться — по-родственному — за содействием и не предполагающего возможности отказа.

Наконец, примечательна материальная сторона служебной жизни Ржевского, а вернее, его режущая глаз бедность. Дело в том, что, несмотря на обширные связи и столбовое дворянство автора, официальные документы сообщают нам, что по состоянию на 1756 г. за Ржевским «мужеска полу душ не имеется». Вообще-то Ржевские были не бедны, поэтому как дошел он до жизни такой, не вполне ясно: одно из его писем указывает на конфликт с сестрой, Е.И. Кольчевой, и на некоторые претензии к ней со стороны автора — возможно, это отзвук каких-то споров о (не доставшемся ему) наследстве. В итоге дневник Ржевского дает нам представление как раз о незавидной доле офицера, который может рассчитывать на одно лишь не всегда регулярно выплачиваемое государево жалованье.

С одной стороны, реестры имущества, которое секунд-майор берет с собой, когда полк готовится выступить из Малороссии в направлении Прибалтики, на соединение с действующей армией, оставляют ощущение комфорта, даже некоторой элегантности походного быта; перечни всевозможных предметов в багаже Ржевского, от рубашек и платков до темляков и посуды, крайне любопытны как отражение его вещного мира. Но, с другой — здесь же мы видим и мелочный учет сахара, и пометы о продаже каких-то носильных вещей. Особенно сильное впечатление производит эпизод 8 декабря 1758 г., когда секунд-майор императорской армии, столбовой дворянин, находящийся не в плену или на вражеской территории, а в Риге, в пределах российских границ, делает запись: «Сей день я голоден был, [потому] что не на што было есть купить, денег не стало!» Майор вынужден продать полушубок-«кирейку», на которую еще и не сразу находятя покупатели, — и он не только рад полученному

барышу в несколько рублей («я признаюсь, что я рад был той продаже по бедности моей»), но и точно помнит, почему покупал в прошлом году в Полтаве овчину для этой кирейки (3 р. 50 к.) и откуда взялся суконный верх (подарок тетки Е.О. Чернышевой, пожаловавшей ему несколько лет назад другую шубу, видимо, не новую, а с вельможного плеча)¹². Достойным упоминания событием для Ржевского оказывается и утеря кушанья, опрокинутого нечаянно детьми рижского обывателя, у которого он квартирует: убыток составил аж 18 копеек. От вырученных за проданную кирейку 10 рублей у Ржевского к этому времени осталось лишь 1 р. 80 к.: «А кагда ети все деньги изойдут, то и не знаю где взять будит! Так и продать уже мне нечева. Во всем кладусь на волю божию, он меня пропитает, кагда жизнь мою продажаит», — размышляет штаб-офицер. Для него важно отметить, однако, что когда квартирный хозяин присылает 5 марок в возмещение ущерба, нанесенного его детьми постояльцу, принять их Ржевский, несмотря на свою бедность, отказывается¹³.

Особенно остро проблема бедности встает перед автором именно в Риге. Конечно, мы встречаем ее отзвуки и ранее, когда он перемещается по великороссийским губерниям и Украине. Однако там, похоже, она притупляется опять-таки наличием обширных родственных связей. Ржевский постоянно останавливается или просто обедает у родственников, знакомых или у местных чиновников, которые, судя по всему, принимают и привечают его не только в силу его майорского ранга, но и в силу его родственных связей. У покровителей он буквально-таки «стреляет» по червонцу — то 10 империалов поступают от «Ивана Ивановича» (характер его отношений с фаворитом неясен, но очевидно, что они знакомы), то 10 рублей от «тетушки» княгини Белосельской или от «сестры» графини Апраксиной (8 из которых в обоих случаях сразу уходят лекарю). «Прошу вас только о том меня поскорее уведомить, чем вы намерены меня ссудить ныне, и в чем бы я мог прямо надейтца», — требует он от сестры, с которой находится в конфликте¹⁴. Выехав же в прибалтийские губернии, Ржевский, видимо, теряет возможность опираться на эту сеть; кроме того, он почему-то уезжает от своего полка — в общем, вынужден жить на наличные, с которыми у него туго.

¹² Дневниковая запись от 8 декабря 1758 г. РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. Д. 418. Л. 83; с. 138 наст. изд.

¹³ Дневниковая запись от 12 декабря 1758 г. РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. Д. 418. Л. 87–87 об.; с. 140 наст. изд.

¹⁴ Дневниковая запись от 18 июля 1757 г. РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. Д. 418. Л. 51; с. 103 наст. изд.

О чем, однако, вовсе не пишет секунд-майор Ржевский в своем дневнике, так это о Семилетней войне: из текста нельзя и догадаться, что дело происходит в самый разгар кровопролитного конфликта, который из-за его масштабов некоторые историки называют даже «первой глобальной войной». Более того, Ширванский полк выдвигается в конце лета 1758 г. в Прибалтику не просто так: находившимся ранее в резерве русским частям было велено собираться под Ригой после кровавой бани Цорндорфа, поразившей воображение современников ожесточением участников и количеством жертв¹⁵. Конечно, новости в то время путешествовали медленно, однако к тому времени, когда Ржевский добрался до Риги, он уже должен был слышать и о масштабах потерь под Цорндорфом, и о ранении и взятии в плен одного из его «дядюшек», неоднократно упоминаемого в записной книжке гр. З.Г. Чернышева. К этому времени, правда, на Ржевского накатывает особенно сильный приступ его недуга, и переживания по этому поводу заслоняют в его глазах все остальное. Но не находим мы в дневнике Ржевского никакого волнения по поводу предстоящих сражений, никаких ожиданий возможной гибели или, наоборот, возможного получения наград, даже просто упоминаний самого факта войны и ранее, на всем протяжении 1757–1758 гг., хотя для секунд-майора, насколько можно судить, речь шла о первом в его жизни боевом опыте.

* * *

Как мы видим, Ржевский фиксирует в дневнике не только события своей жизни, но и свои переживания, как, например, свои мысли в связи с отсутствием у него денег. Одно из самых ярких его переживаний отражено в приводимых им в записной книжке письмах и связано с ожиданием ареста. Как сообщает он своим покровителям из Великих Лук, куда его занесло по служебным делам в 1755 г., некий «здесьшний бездельник господин Нелединский» подал на него «вымышленное доношение», которое было переправлено в Тайную канцелярию, — и в тексте Ржевского мы встречаем уникальное описание самоощущения человека той поры, представляющего, что его вот-вот захватят жернова карательной машины. «Я таперь дражу со страху», — признается Ржевский кн. Н.Г. Белосельской. «Я таперь со страху не знаю сам, что я делаю, что ежеминутно ожидаю из того места за сабой присылки. Мне не будит тогда время о том Вам подать надлежащее уведомления, когда меня за крепким коралом [во] всем известное повезут места», — пишет он ей же в другом письме. Ржевскому не приходит в голову надеяться на справедливое

¹⁵ См.: *Сдвижков Д.А.* Письма с Прусской войны. Люди Российско-императорской армии в 1758 году. М.: НЛО, 2019.

разбирательство, не видит он в возможных действиях Тайной канцелярии и никакого рационального смысла или государственного интереса — ожидающие (но в итоге минувшие) его злоключения он понимает исключительно как «вымышления одной злобы ко удовольствию ея проклятой страсти, чтоб только безвинного человека погубить»¹⁶.

Какие именно «неприличные слова» обронил Ржевский в Великих Луках, и как разрешилась эта ситуация — «каков [указ] на Нелединского доношения из Новогороцкой губернской канцелярии последовал», — выяснить, к сожалению, не удалось. Можно предположить, что это была какая-то оговорка, брошенное в запальчивости неосторожное слово: именно такие дела составляют большинство в реестрах Тайной канцелярии. Одно такое дело приключилось в самом Ширванском полку в сентябре 1757 г., во время стоянки в Сваромле, т.е., вполне возможно, в присутствии Ржевского. Каптенармус Федор Пасмуров упрекнул grenадера Федора Баженова за то, что тот не внес полтину на общий котел, который содержали служивые. Слово за слово, один из них заявил: «Я де твою полтину натурю» («выговорил то слово по-соромски прямо», — поясняет канцелярист). Последовал донос «по первому пункту»: на полтине было изображение государыни, речь шла об оскорблении величества. Времена, однако, были уже вегетарианские: Тайная канцелярия постановила, что политического преступления тут нет, «только в том состояла одна продерзость», а потому достаточно виновного лишь бить плетью¹⁷. Как кажется, в случае Ржевского дело не дошло даже и до ареста.

Однако самым важным источником переживаний и стимулом для саморефлексии становится для Ржевского его таинственная, явно хроническая болезнь, приступы которой он переживает на протяжении всех двух лет, охваченных дневником, и которая особенно обостряется с его приездом в Ригу в ноябре 1758 г. Судя по всему, речь идет о чахотке: в частности, одна из заметок в записной книжке упоминает травы, которые следует «пить от чехотки». Так или иначе, при чтении некоторых фрагментов журнала может показаться, что они чуть ли не написаны для последующей демонстрации врачу — настолько большое внимание уделяет здесь автор описанию стула и отходящих мокрот, потоотделения и колик, приема лекарств и их действия. Природа и возможный смысл этих практик медицинского самонаблюдения подробно разбираются в статье М. Пироговской. Здесь стоит лишь отметить, что зачастую именно

¹⁶ Письма А.И. Ржевского от 6 июня и 9 июля 1755 г. РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. Д. 418. Л. 14 об.-15, 18 об.-19; с. 89 наст. изд.

¹⁷ РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1480. Ч. 2. Л. 39-41.

болезнь подталкивает Ржевского к фиксации, помимо физиологических, также и эмоциональных состояний, причем эмоциональное и физиологическое оказываются не вполне разделимы, как это хорошо видно, например, в записи от 13 декабря 1758 г.:

В 11 часу голова болеть зачела! И тоска не унелась, но час от часу во мне умножалась. И во все то время урин из меня очень много шло. Сей же день я мало ел, ибо таперь в выходе 12 час с половина дни, то есть полночь! Час уже пополуночи пробила, а тоски во мне не уменьшаитца! Я хочу здесь одно примечание внести: во всю болезнь как я Почепе [был] и дорогаю, где я очень болен был, и здесь, что из журнала моего видно, в самое ета время, в которыя часу мне очень тяжело бывает, всегда сабаки воют, так как и сей час как я таскую, сабака выла¹⁸.

Примечательно здесь, как подробно автор наблюдает и фиксирует свои состояния, записи ведутся уже даже не по дням, а по часам. Бросается в глаза и неумеренное, иногда после каждой фразы, употребление восклицательных знаков, также отражающее стремление Ржевского подчеркнуть остроту своих переживаний, — еще один ранний предвестник нормативной чувственности и искренности, которая станет столь характерной для дворянской культуры несколько позднее¹⁹. Существенно при этом, что «тоска», о которой пишет Ржевский, — это пока еще прежде всего именно физиологическое состояние, род болезни, и он пытается установить взаимосвязь «тоски» с какими-то внешними событиями, например с тем, что «собака выла»; «тоска» может продолжаться «четверть часа», как приступ; тоска упоминается наряду с другими симптомами недуга и явно связана с ними.

Именно болезнь обнажает у Ржевского и страхи смерти, и рефлексию по поводу собственного чрезмерного употребления алкоголя, и даже готовность размышлять о самоубийстве. Врач рекомендовал Ржевскому принимать некоторое количество «вина простого» (т.е. водки) — и Ржевский признается самому себе, что незаметно привык злоупотреблять этим средством: «И подленно я сей день и ночь вина простова много пил. Видете, дорогой читатель моего журнала, как я себя отважил, не быв прежде никогда пьяницей, л[ьс]тяся получить мое здоровье, а таперь вижу себя в смертном состоянии. Да что делать, когда нибуть умирать [надо] будит»²⁰. Чуть дальше он прямо признается, что злоупотребление вод-

¹⁸ Дневниковая запись от 13 декабря 1758 г. РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. Д. 418. Л. 88 об.; с. 140–141 наст. изд.

¹⁹ Сдвижков Д.А. Указ. соч. С. 39.

²⁰ Дневниковая запись от 13 декабря 1758 г. РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. Д. 418. Л. 90 об.; с. 141 наст. изд.

кой связано с попытками притупить в себе страх смерти: «Я подленно пьян таперь. Чтоб безбоязненно умереть мог, то я много вина пил. Да и сколько жизнь моя продолжитца, пить ево буду. Я вижу, что пьяному лехче умирать, как терозваму! Для тово, что меньше страху!»²¹

Наконец, по всему дневнику рассыпаны свидетельства романтический и сексуальной жизни автора. 16 января 1758 г. в Полтаве Ржевский отмечает, что когда он сидел дома и писал письма, «пришли ко мне две девицы в гости, оби бунчуковаго таварища дочери», т.е. девушки из семьи представителя малороссийской старшины — приключение, судя по всему, совершенно невинное, но показавшееся ему достойным фиксацией²². По приезде в Ригу, однако, начинаются приключения другого сорта: 25 ноября 1758 г. у Ржевского «была Аннашка, с которой договорился»²³. 4 декабря разыгралась целая коллизия, о которой фрустрированный автор повествует весьма откровенно: «Была у меня Аннашка и другая изрядная девушка, только недолго были и ушли, для прежнево моево к ней неудовольствия мне отказала, для которой моей печали сей день я очень пьян был» — слова «мне отказала» Ржевский считает необходимым подчеркнуть²⁴.

8 ноября помечена самая, наверное, колоритная запись во всем дневнике, достойная вымышленного сородича нашего автора, героя анекдотов поручика Ржевского. Приехав ночевать на одну из почтовых станций на пути к Риге, автор отмечает: «Слабило. Девки хороши», объединяя в одной фразе две ключевые темы своего журнала, любовь и телесные отправления²⁵. Надо сказать, что Прибалтика — Рига, а чуть позднее и Кёнигсберг — фигурирует как место столкновения с развратом и с платной любовью и в сочинениях тех же Болотова и Данилова. Не случайно поэтому, приехав в Ригу, наш герой считает необходимым овладеть первоочередными по важности разговорными немецкими фразами, которые он русскими буквами заносит в свою записную книжку (из чего, кстати, следует, что языка он не знает): «Вы хотите со мной

²¹ Дневниковая запись от 13 декабря 1758 г. РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. Д. 418. Л. 91; с. 141 наст. изд.

²² Дневниковая запись от 16 января 1758 г. РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. Д. 418. Л. 62; с. 116 наст. изд.

²³ Дневниковая запись от 25 ноября 1758 г. РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. Д. 418. Л. 78 об.; с. 136 наст. изд.

²⁴ Дневниковая запись от 4 декабря 1758 г. РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. Д. 418. Л. 81 об.; с. 137 наст. изд.

²⁵ Дневниковая запись от 8 ноября 1758 г. РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. Д. 418. Л. 75 об.; с. 133 наст. изд.

помиловаться?»; «Вы хотите меня любить?»; «Останьтесь на некоторое время, моя подружка!»

Рядом с упоминаниями совсем уж простецких встреч с «Аннашкой», однако, обнаруживаются и отзвуки чуть более возвышенных отношений. В ночь с 13 на 14 декабря 1758 г. в самый разгар своей болезни, Ржевский «во сне видел мою любовницу, котораю я имел, как я в деревнях жил, что она ко мне приехала в гости»²⁶. Речь, должно быть, идет о дворянке — любопытное свидетельство романа по-соседски в помещицкой среде XVIII в.

* * *

Совершенно особое место на этом фоне занимает фигура троюродной тетушки Ржевского княгини Натальи Григорьевны Белосельской (1711–1760), вельможной дамы десятью годами его старше — судя по дневнику, главной его покровительницы и основного адресата его писем (см. о ней подробнее в статье А. Феофанова и И. Федюкина в этом томе). Обращенные к Белосельской послания, которые Ржевский приводит в своей записной книжке, полны, конечно, самых почтительных выражений. «Я всево более в жизни моей о том стараюсь, чтобы, милостивая государыня, во всех случаях Вам чювствительная моя предоность з должнейшим почтением и благодарностью хотя бы мало могла таму соответствовать, как не токмо вся жизнь моя от Вашего ко мне милосердия зависит, но что я и ею Вам должен», — пишет он 14 февраля 1756 г. — и тут же обращается с просьбой похлопотать перед П.И. Стрешевым о разрешении ему отпуска в Санкт-Петербург, причем не зачем-нибудь, а именно «Вас видеть»²⁷. «Вы, милостивая государыня, довольно знать изволите, сколь велика моя искренняя преданность и почтения к Вам быть должны во всех случаях моей жизни, как и ништо тово более меня чювствовать не может», — продолжает он свои излияния 22 декабря 1756 г.²⁸, и т.д. Все это звучит как стандартные заверения клиента в преданности и благодарности своему покровителю-милостивцу.

В одном из последующих писем, однако, Ржевский как будто оговаривается и просит извинить его за слишком горячие излияния: «Естли, милостивая государыня, моя простосердешняя искренность, с котораю

²⁶ Дневниковая запись от 14 декабря 1758 г. РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. Д. 418. Л. 92 об.; с. 141 наст. изд.

²⁷ Письмо А.И. Ржевского от 14 февраля 1756 г. РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. Д. 418. Л. 27; с. 91 наст. изд.

²⁸ Письмо А.И. Ржевского от 22 декабря 1756 г. РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. Д. 418. Л. 7 об.; с. 92 наст. изд.

я таперича пишу, не имев при сем никакой осторожности, перешла границ должнейшева моево к вам почтения, то с нижайшею моею покорностью прошу мне отпустить милосердно!», и далее: «Я признаюсь, что я таперь чювствую слабость моево разума, а такая побуждения в себе, которая иногда против наших воль нашими разумами владеит!»²⁹ Здесь у читателя уже невольно начинают закрадываться сомнения: терминология, в которой Ржевский объясняется с покровительницей, мало отличима от того языка, которым извинялся бы перед предметом своего обожания чересчур ретивый поклонник, — здесь и «побуждения», которые «против наших воль нашими разумами владеют», и «простосердешняя искренность», которая заставила его «перейти границу <...> почтения». Заметим, что в этих же выражениях также можно усмотреть и ранние проявления формирующейся культуры чувствительности и искренности.

Подобные излияния можно было бы списать на необходимые ритуалы общения с патронессой, однако имя Белосельской всплывает в дневнике не только в обращенных к ней письмах. Ржевский волнуется о тетушке и ее семействе: в мае 1758 г. он просит своего полкового командира отпустить его ненадолго в Карачев, «чтоб мне обстоятельно проведать про тетку княгиню На[талья] Гр[игорьевну] Белосельскую и про всю ее фамилию, как здесь слух носился необстоятельной»³⁰. Тетушка, наконец, снится ему, причем в довольно странном контексте: «Видел сон про княгиню Наталью Григорьевну: что она в игре ехала на 8 пегих лошedah, и с ней ... много девак»³¹.

Наконец, мы видим, что именно к Белосельской, по сути, и обращен весь журнал! «Я не знаю, какие во мне побуждения есть вести точная журнал моей жизни; может быть для того, что по смерти моей тем ево читать случитца, для которых я привел себя в такое бедное и болезное состояние, в каком я чрез столько лет уже страдаю», — пишет Ржевский в конце 1758 г., в разгар самого тяжелого приступа своей болезни, и добавляет даже: «Признаюсь, что временем скучаю моей жизнью»³². Чуть позже, однако, он раскрывает, о ком на самом деле

²⁹ Письмо А.И. Ржевского от 23 апреля 1758 г. РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. Д. 418. Л. 66 об.-67; с. 122 наст. изд.

³⁰ Дневниковая запись от 25 мая 1758 г. РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. Д. 418. Л. 68; с. 123 наст. изд.

³¹ Дневниковая запись от 17 апреля 1758 г. РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. Д. 418. Л. 65; с. 121 наст. изд.

³² Дневниковая запись от 8 декабря 1758 г. РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. Д. 418. Л. 83 об.; с. 138 наст. изд.

идет речь: «Есть ли мне подленно будет в то время умереть случатца, то б я щаслив был и по смерти моей, штоб етат журнал моей жизни княгиня Н[аталья] Г[ригорьевна] Б[елосельская] могла видеть, ибо я для нее столько стражду, а то б я довно облегчения мое сыскал!»³³ Таким образом, только мысли о «тетушке» и удерживают секунд-майора от того, чтобы прекратить свои земные страдания. Охарактеризовать эти отношения однозначно нам сегодня трудно, но не менее трудно и представить, что Ржевский воспринимал Белосельскую исключительно как покровительницу.

* * *

Структура записной книжки Ржевского имеет целый ряд особенностей, которые отражают его приемы работы над своим дневником и важны для понимания и того смысла, которые он придавал этим записям, и жанровых особенностей этого текста, отражающих его переходное положение на стыке двух этапов в истории российской мемуаристики XVIII в. С одной стороны, значительная часть записей носит вполне летописный характер, когда автор день за днем сухо фиксирует свои перемещения, почтовые станции, через которые он проехал, и проч. Но с другой — здесь же можно разглядеть и признаки отношения к дневнику как к литературному тексту, попытку конструирования определенного образа автора.

Во-первых, Ржевский не всегда делает дневниковые записи в тот же самый день, когда происходят описываемые события: в нескольких случаях он прямо пишет, что был слишком болен («я во все те дни, как из Брянска поехали, был очень болен и для того не мог правельно вестъ журналу»³⁴) и что записи были сделаны им позднее, вероятно, по памяти. После записи от 23 апреля 1758 г. мы обнаруживаем приписку: «А того 23 числа я был очень болен и с нуждаю великай мог писать, а хотя и стало таперь лехче, токмо очень слаб. Майя 17 числа писал сие»³⁵. Видимо, именно поэтому в нескольких случаях у нас есть два параллельных варианта записей, как правило, один более подробный, чем другой. Такие параллельные записи мы расположили хронологически, сделав соответствующие оговорки в примечаниях.

³³ Дневниковая запись от 13 декабря 1758 г. РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. Д. 418. Л. 91; с. 141 наст. изд.

³⁴ Дневниковая запись от 29–30 июля 1758 г. РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. Д. 418. Л. 71; с. 128 наст. изд.

³⁵ Письмо А.И. Ржевского от 23 апреля 1758 г. РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. Д. 418. Л. 67; с. 122 наст. изд.

Во-вторых, весьма любопытный элемент записной книжки — это помещенные в ней уже упоминавшиеся ранее письма Ржевского. Письма эти обращены к его патронам, прежде всего, к кн. Н.Г. Белосельской, а также к ее братьям графам Чернышевым; несколько писем обращены к сестре автора Е.И. Колычевой. Иногда эти письма прямо связаны с содержанием дневниковых записей или даже упоминаются в них: «Писал письмо», — сообщает автор 23 апреля 1758 г., и дальше приводит текст письма к Белосельской. Привычку включать в дневник копии отправляемых писем мы находим и у других авторов: например, как раз в те же самые годы включает в дневник письма к своему сыну (и его ответы) курский помещик Анненков³⁶. При публикации такие письма приводятся нами после соответствующей дневниковой записи.

Интереснее, однако, что в записной книжке Ржевского мы находим и несколько писем, которые выходят за хронологию дневника и относятся к 1755–1756 гг. Они приведены в начале записной книжки, не в хронологическом порядке, а по своему расположению текст их отчасти переплетается с хозяйственными записями. Мы можем только гадать о происхождении этих текстов: хранил ли у себя Ржевский отпуски этих писем и затем сделал с них копию в записной книжке? Или же он воспроизводил их по памяти? Или же он и вовсе сочинил их? Неясен и принцип отбора: очевидно, что автор приводит здесь далеко не все письма, отправленные им за этот период, но почему ему показалось важным включить в записную книжку именно эти, мы не имеем понятия. Во всяком случае, при подготовке текстов к публикации мы решили разместить их в хронологическом порядке, т.е. перед дневниковыми записями за 1757 г.

В-третьих, особенно примечательны с точки зрения жанровой принадлежности текста встречающиеся в нем обращения автора к «дорогому читателю моего журнала»: хотя эта ориентация на читателя особенно обостряется к концу 1758 г., отзвуки ее рассыпаны по всему дневнику. Иногда Ржевский прямо адресует к читателю; он также делает в тексте пояснения (например, о том, что та или иная запись была сделана позднее) или извиняется за недостаточно «правильное» ведение журнала. Сюда же примыкают и некоторые примеры сознательной работы над текстом. Так в записи, относящейся к началу августа

³⁶ Дневник курского помещика И.П. Анненкова // Материалы по истории СССР. Вып. 5: Документы по истории XVIII века / сост. Л.Н. Пушкарев. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957.

1758 г., — «и понеже как я был во все то время очень болен как полк из Рослявля до Даргабужа маршировал, почасту не мог вести правельнаго журнала»³⁷ — слово «очень» явно вписано позднее, очевидно, с целью усилить воздействие на читателя. А.Г. Тартаковский выделял этот «условно-риторический прием» — обращение к «вымышленному адресату-собеседнику» — как отличительную черту новой эпохи в российской мемуаристике; именно в форме писем к «любезному приятелю» строит свои записки Болотов³⁸. Здесь мы видим, как этот литературный прием начинает использоваться в рамках дневника. При этом фигура воображаемого адресата, как мы уже видели, в итоге прямо раскрывается автором: он мечтает, чтобы после его смерти журнал прочитала «тетушка княгиня Наталья Григорьевна». Разумеется, реальная тетушка и тетушка как литературный персонаж становятся здесь неразделимы и неразличимы для нас.

Таким образом, текст Ржевского представляет собой крайне интересный пограничный, переходный случай между собственно дневником, хроникой жизни, и мемуарными произведениями, изначально рассчитанными на прочтение другими. Показательна здесь самая последняя запись, от 1 января 1759 г., где Ржевский, как мы помним, прямо заявляет о том, что начинает «писать историю моей жизни» — фраза, совершенно стандартная для мемуарной литературы, позволяющая предположить, что он мог ориентироваться и на какие-то литературные образцы. При этом намерение «начать» работу над такой историей «приключений, что до сего времени со мною случилось», не вполне логично: ведь Ржевский на протяжении как минимум двух предшествующих лет вел свой журнал — это, выходит, не была «история моей жизни»? Очевидно, что он сознательно ищет подходящий жанр самовыражения, и не случайно именно в той записи, где Ржевский декларирует намерение перейти к написанию «истории жизни», т.е. олитературенного мемуарного текста, видны и следы интенсивной работы над стилем: автор пишет фразы и зачеркивает их, выражает ту же мысль несколько иначе (например, заменяет «исполнилось» на «минула»). При этом толчком к написанию «истории жизни» выступает опять-таки недуг. С одной стороны, решение писать принято Ржевским после полутора месяцев особенно тяжелых приступов и недомоганий; с другой — автор (если мы правильно понимаем его не вполне ясные фразы) прямо приурочивает это решение к десятилетью

³⁷ Дневниковая запись, август 1758 г. РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. Д. 418. Л. 71 об.; с. 129 наст. изд.

³⁸ Тартаковский А.Г. Указ. соч. С. 70.

своего заболевания (он пишет, что хотя и много болел, но дожил до сего дня, «и ровно 10 лет тому минула»)³⁹.

Следует полагать, что декларируя решение писать «историю моей жизни», Ржевский мог ориентироваться на какие-то литературные модели. Как указание на одну из таких возможных моделей, следует, вероятно, рассматривать три цитируемые им в записной книжке стихотворные строфы под общим заголовком «Надежда Щостия»:

Нашел пристанище, надежда счастья прощайте,
довольно вы играли мною,
играйте ныне другими.

О небо, щасливой год проходит как лехкой ветр,
а неблагополучная минута
кажетца целым веком мученья.

Не надобно никому до того отчеватца,
чтоб ему взошло на ум, что он не
человек⁴⁰.

Судя по расположению в записной книжке, запись эта может относиться к началу 1757 г. При ближайшем рассмотрении все три строфы оказываются цитатами из «Похождений Жильблаза», как раз незадолго перед тем вышедшего в русском переводе и ставшего наиболее популярным после фенелоновского «Телемака» переводным романом в России XVIII в. До конца столетия этот плутовской роман переиздается еще целых шесть раз (1760–1761, 1768, 1775, 1781–1783, 1792, 1799–1801), новые переиздания будут выходить и в XIX в.⁴¹ Ровно в те же самые годы, в 1755 или 1756 г., роман покупает другой офицер средней руки, А.Т. Болотов, и не устает нахваливать его, «которая книга тогда только что вышла и мне ее расхвалили». Ожидания читателя не были обмануты: «...был я так рад, как нашед превеликую находку». «Я изобразить не могу, с какой жадностью и крайним удовольствием читал я дорогою моего “Жильблаза”. Такого рода критических и сатирических веселых книг не случалось мне читать еще от роду, и я не мог устать, читая сию

³⁹ Дневниковая запись от 1 января 1759 г. РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. Д. 418. Л. 98; с. 143 наст. изд.

⁴⁰ Недатированная дневниковая запись. РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. Д. 418. Л. 10; с. 147 наст. изд. Я благодарен Илье Веницикому за помощь в идентификации этих цитат.

⁴¹ Похождения Жилблаза де Сантилланы, описаны г. Ле Сажем, а переведенные Академии наук переводчиком Васильем Тепловым. Т. 1–4. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1754–1755 (далее в этой статье ссылки приводятся по изданию 1808 г.); Сводный каталог книг гражданской печати XVIII века. 1725–1800 / под ред. И.П. Кондакова. Т. 2. К-П. М.: Изд-во Гос. б-ки СССР им. В.И. Ленина, 1964. С. 149–150; *Штридтер* Ю. Плутовской роман в России. К истории русского романа до Гоголя. СПб.: Алетейя, 2015. С. 60–64.

книгу, и в несколько дней всю ее промолот», — вспоминает Болотов в своих записках⁴². Тот факт, что Ржевский делает из романа выписки всего пару лет спустя после публикации перевода, является еще одним свидетельством и востребованности этого конкретного произведения, и впечатляющей скорости распространения переводной литературы среди среднего дворянства в ту эпоху — и, кроме того, указывает, что наш автор принадлежит к тому же культурному кругу, что и такой мемуарист-интеллектуал, как Болотов.

Что же именно привлекает внимание Ржевского в «Жильблазе»? В романе три бросившиеся ему в глаза фразы отмечают ключевые повороты в приключениях главного героя. Последняя из них — это совет друга, утешающего Жиль Бласа, когда тот в первый раз теряет приобретенное им богатство (гл. 17 кн. I)⁴³. Получив вознаграждение от спасенной им из лап разбойников дамы, Жиль Блас немедленно сам становится жертвой мошенников, обобравших его до нитки. Именно в этот момент встреченный им давний знакомец советует герою «привыкать ко всем нещастиям сего света», ибо «умной человек может ли быть беден? Он ожидает с терпением щастливейшаго времени». Тут-то и приходится ко двору привлечшее внимание Ржевского изречение, приписываемое здесь Цицерону. Вместо того чтобы отчаиваться, наставляет Жиль Бласа приятель, «я преодолеваю всегда мой злой рок» — причем секрет состоит в том, чтобы в одних ситуациях совершать смелый шаг, полагаясь на собственную ловкость, а в других, наоборот, уметь видеть в неблагоприятном, казалось бы, повороте фортуны положительные стороны и принять его. Например, полюбив девушку, он добился ее взаимности, но не смог получить согласие ее отца на брак: вместо того чтобы впасть в уныние, приятель Жиль Бласа бежал с ней и отправился путешествовать по Галисии, наслаждаясь жизнью. Девушка оказалась «весела, ветрена и охотница до любовных дел», так что вскоре она отбыла в Португалию, но уже в компании с другим любовником. Но и тут приятель Жиль Бласа «не дался под иго и сему нещастию, и поступил умнее Менелая: ибо вместо того, чтобы вооружиться на Париса, которой увез у меня Елену, благодарил еще ему, что он меня лишил оной».

⁴² Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова: Описанные самим им для своих потомков: в 3 т. Т. 1: 1738–1759 / вст. ст. С. Ронского; примеч. П. Жаткина, И. Кравцова. М.: ТЕРРА, 1993. С. 286–287, 293–294.

⁴³ Похождения Жилблаза де Сантилланы, описанья г. Ле Сажем, а переведенныя Васильем Тепловым. Т. 1. СПб.: При Императорской Академии наук, 1808. С. 172.

Вторая из трех фраз, выписанных Ржевским, позаимствована им из гл. 5 кн. IX: это строки песенки, которую Жиль Блас слышит за окнами тюрьмы, где он оказался по приказанию испанского короля. Причиной его злключения стали придворные интриги: его покровитель, могущественный министр, вместе с героем помогал наследному принцу встречаться с его любовницей, однако враги выдали их королю⁴⁴. В результате Жиль Блас не только попал в заключение, но и лишился покровительства министра, который вынужден был отречься от всяких связей с ним; богатый дом и все имущество, которое герой нажил перед этим, были разграблены при аресте. Еще вчера он наслаждался роскошью и доступом к сильным мира сего, а сегодня колесо фортуны повернулось, и он снова оказался на дне.

Наконец, первая из этих цитат завершает третий том романа, а вместе с ним и первый этап приключений Жиль Бласа⁴⁵; таким образом, эта фраза в известном смысле выражает ключевую мысль всего произведения. Как указывает А. Добрицын, она восходит еще к греческим источникам и в своем латинском варианте («*Inveni portum. Spes et Fortuna, valete! Sat me lusistis; ludite nunc alios!*») была популярна в Европе уже в эпоху Ренессанса; в XVIII в. ее приводит в своих мемуарах Казанова⁴⁶. Жиль Блас вспоминает ее, когда его жизнь, казалось бы, наладилась. Потеряв чуть ранее все свое состояние, он освобождается из заключения — и совершенно случайно встречается одного из своих давних покровителей, который из «любви» к герою и в благодарность за его прошлые услуги жалует ему небольшое поместье: «Я не дам более счастья играть вами. Я вас свобожу из под его власти, учиня вас владельцем земли, которую оно у вас не отнимет». Таким образом, вкусив и бедность, и богатство, Жиль Блас останавливается на золотой середине: красивый дом с видом на реку неподалеку от Валенсии, хорошее вино, общество верного слуги — что еще нужно человеку, чтобы достойно встретить старость? Окрыленный перспективой обрести, наконец-то, покой, герой намеревается начертать эту латинскую фразу золотыми буквами на воротах своего благоприобретенного убежища.

Легко представить, что Ржевский, мучающийся своей бедностью — бедностью, которую он явно приписывает проискам бесчестных родственников, — в этом эпизоде с удовольствием представлял себя на

⁴⁴ Похождения Жилблаза де Сантилланы. Т. 3. С. 402.

⁴⁵ Там же. С. 485.

⁴⁶ Добрицын А. Вечный жанр: западноевропейские истоки русской эпиграммы XVIII — начала XIX века. Bern: Peter Lang, 2008. С. 417.

месте Жиль Бласа. Как мы помним, наш автор также много размышляет о преследующих его в жизни «несчастиях»: «Все несчастливья случаи, каковы в жизни моей так неретко мне случались»; «все случившиеся до сего времени в жизни моей нещастья з большой усердной крепостью терпел, а ныне уже тем наиболее в крайность последнюю меня приводит <...> не бедной ли я человек в жизни, когда ни одно из сих случаев нещастья меня не минула»; провидение «к большим нещастьем тем меня предуготовляет, чтоб к ним привыкши, с возможной терпеливостью те лучше снести я мог! Кажетца мне, что нещастья, наконец, само уставши, от меня отойдет, когда оно видит, что со всеми ево ухищреннями мне губительств до сего времени уморить меня не могло» и проч.

Можно ли предположить, что Ржевский изначально строит свой образ в дневнике по образцу Жиль Бласа? Как кажется, герой этого романа вполне подходил на роль такой модели. Если в других плутовских романах рефлексия по поводу приключений героя зачастую предлагалась наблюдателем, говорящем о ней с высоты прожитых лет, тем самым создавая зазор между аморальным плутом и морализаторствующим постфактум рассказчиком, то Жиль Блас предлагает увидеть его похождения так, как он сам видел их во время описываемых событий. Благодаря этому дихотомия между рассказчиком и героем снимается, а герой плутовского романа переосмысливается: Жиль Блас не жулик, а обходительный и, в общем-то, честный искатель собственной фортуны, с которым вполне мог отождествлять себя дворянин-читатель⁴⁷.

Если это так, то возможно ли, что описываемые Ржевским страдания и «несчастия», его педалирование собственной болезни и собственной бедности, отражают влияние этой и близких ей литературных моделей, подталкивающих его к тому, чтобы «увидеть» и отразить в дневнике именно данные аспекты собственного опыта? Разумеется. Но не менее важно и то, что несчастия эти были, насколько мы можем судить, вполне реальными. Ржевский был действительно беден, и у нас нет оснований сомневаться в наличии у него серьезных недугов: это подтверждается не только подробностью описания симптомов болезни и методов лечения, но и косвенно тем обстоятельством, что за всю Семилетнюю войну в сражениях секунд-майор так и не побывал. Таким образом, не менее правомерна и постановка вопроса о том, в какой степени его жизненный опыт способствовал актуализации для него тех или иных литературных моделей. Рассматривая эту проблематику на

⁴⁷ Штридтер Ю. Указ. соч. С. 27–28.

примере романа «Несчастный Никанор», опубликованного примерно 20 годами позже другим малопримечательным дворянином, Александром Назаровым, современником Ржевского и представителем того же социального круга, Т.Е. Автухович пишет о том, что «романизация русской жизни» и «мемуаризация традиционного романа» оказываются в его случае тесно переплетены⁴⁸. Записная книжка Ржевского, как кажется, позволяет нам увидеть механику такой «романизации» в самых ранних, зачаточных ее формах.

⁴⁸ Автухович Т.Е. Приключения автора и его книги, или Жизнь и судьба Александра Назарьева // Несчастный Никанор, или Приключение жизни русского дворянина Н***** / изд. подгот. Т.Е. Автухович. СПб.: Наука, 2016. С. 265.

3-12 **Заботы и дни секунд-майора Алексея Ржевского: Записная книжка (1755–1759) [Текст] / И. И. Федюкин, А. М. Феофанов, М. М. Пироговская, А. О. Видничук ; сост. и науч. ред. И. И. Федюкин ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики».** — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. — (Новые источники по истории России = *Rossica Inedita*). — 160 с. — 500 экз. — ISBN 978-5-7598-1988-2 (в обл.). — ISBN 978-5-7598-2021-5 (e-book).

В новой книге из серии «Новые источники по истории России. *Rossica Inedita*» представлен ранее неизвестный комплекс писем, дневниковых записей и заметок секунд-майора Ширванского полка Алексея Ивановича Ржевского за 1755–1759 гг. Документы Ржевского отражают офицерский быт и служебные реалии в тылу русской армии в годы Семилетней войны, обширные социальные контакты автора и его отношения с родственниками. Уникальным для этого времени является подробное описание Ржевским своих многочисленных болезней и методов их (само)лечения, а также эмоциональных состояний и любовных приключений.

Книга адресована как историкам и культурологам, так и широкому кругу читателей.

УДК 929
ББК 63.2

The life and cares of Major Aleksei Rzhovsky: A Notebook (1755–1759) / I. I. Fedyukin, A. M. Feofanov, M. M. Pirogovskaya, A. O. Vidnichuk ; edited by I. I. Fedyukin ; National Research University Higher School of Economics. — Moscow: HSE Publishing House, 2019. — (New sources on the history of Russia = *Rossica Inedita*). — 160 pp. — 500 copies. — ISBN 978-5-7598-1988-2 (pbk.). — ISBN 978-5-7598-2021-5 (e-book).

New volume in the “New sources on the history of Russia. *Rossica Inedita*” series presents a previously unpublished and unknown to scholars set of documents — letters, diary entries, and diverse notes — found in the notebook of Aleksei Ivanovich Rzhovsky, major of the Shirvan Infantry Regiment. Covering the period of 1755–1759, Rzhovsky’s papers reflect the life of a mid-ranking officer and the realities of service in the rear of the Russian army during the Seven Years War; the author’s extensive social contacts; and his dealings with his relatives. These documents are especially valuable as they, uniquely for that period, also include Rzhovsky’s extensive descriptions of his many physical afflictions and the methods of (self) treatment he resorted to, in addition to his emotional states and love affairs.

This book is intended for scholars working in the fields of history and cultural studies, as well as for all readers interested in history.

Научное издание

Серия
НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ РОССИИ
ROSSICA INEDITA

ЗАБОТЫ И ДНИ СЕКУНД-МАЙОРА АЛЕКСЕЯ РЖЕВСКОГО
Записная книжка (1755–1759)

Составитель и научный редактор *Игорь Федюкин*

Зав. редакцией *Елена Бережнова*
Редактор *Анастасия Архипова*
Корректор *Валерия Каменева*
Дизайн серии: ABCdesign
Макет, вклейки и обложка: *Даниил Бондаренко*
Подготовка изображений: *Анастасия Агеева*
Верстка: *Ольга Быстрова*

Подписано в печать 30.07.2019. Формат 60×90/16
Гарнитура Arno Pro. Усл. печ. л. 10,0. Уч.-изд. л. 7,6
Тираж 500 экз. Изд. № 2295

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
Тел.: +7 (495) 772–95–90 доб. 15285

Отпечатано в соответствии
с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт»,
170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А,
www.pareto-print.ru